

Герман Полтаев

ЧЕЛОВЕК-КЛАД

К 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора ВГУ
Николая Михайловича Чернышова

Как теперь он сам вспоминает, геологом стал на третьем курсе университета, будучи на практике в Уссурийской тайге. Был там один эпизод... Или эпопея... Даже не знаю, как сказать. В общем, будущему членкору Академии наук, а тогда 21-летнему студенту Николаю Чернышову, выпало пройти по тайге четырнадцатидневный маршрут. Из лагеря на базу и обратно. В одиночку. Собака, ружье, рюкзак с вещами плюс рюкзак с найденными по пути минералами. Камнями.

Не был студент Чернышов городским хлюпиком, вполне себе здоровый парень, спортсмен, лыжник, пловец, а вот, надо же, когда двинулся в этот маршрут, мелькнула у него мысль: все-таки зря я, наверное, на геофак поступил.

А вот когда все закончилось... «Тогда пришло, — как говорит сейчас мне Николай Михайлович, — знаете, есть такое ощущение — мужика. Я понял, что могу, наверное, все. Я могу один спать в тайге. Могу один ходить куда угодно. Могу обеспечивать себя едой: заколол красную рыбку и сварил ее».

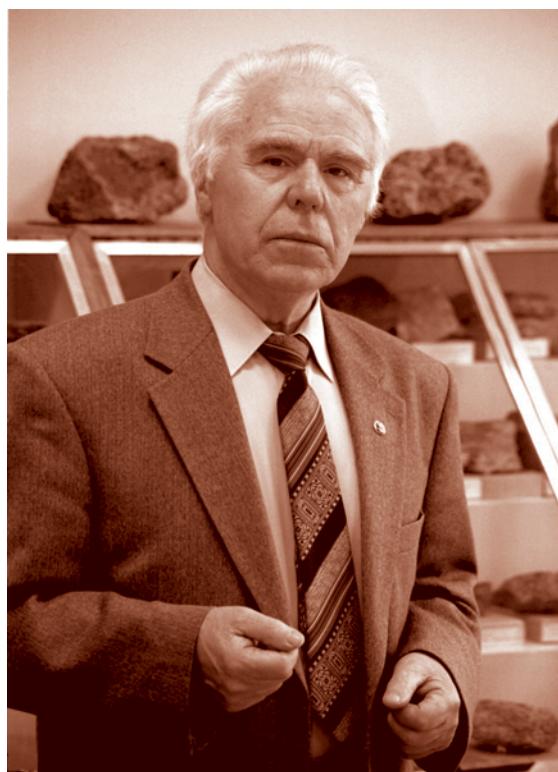
И хоть похудел в том походе студент на четырнадцать килограммов, однако вернулся из него с убеждением, что геология — занятие для него, Николая Чернышова.

Это теперь слова «геология» и «Чернышов» — почти синонимы. А ведь в 1950 году он поступил на геологический факультет Воронежского университета можно сказать случайно. Закончил Чуевскую (Добринскую) школу-интернат, что в Липецкой области почти круглым отличником. Перечитал все, что было в школьной библиотеке, в сельской библиотеке. Классику, советских писателей — само собой. А еще тогда, в конце 40-х, выпускалось множество научно-популярных

брошюрок — по физике, биологии, астрономии и т. д. И их Чернышов читал запоем — интересно было все.

«У меня очень сильно шли физика и математика, — рассказывает Николай Михайлович. — Школьные педагоги ориентировали на инженерную специальность». И было у него после школы желание поехать поступать либо в Казанский, либо в Харьковский авиационный институт. Поехал в Харьковский, а остался в Воронеже.

Ехал с другом, который учился в Харькове. Навестил друзей в ВГУ. Николай Чернышов

Николай Михайлович Чернышов

зашел с ним за компанию, прочитал все объявления о приеме. Его заинтересовала фигура Митрофана Степановича Точилина — декана геофака. А Точилина заинтересовал любознательный выпускник. И Чернышов подал документы на геологический.

Случай? Несомненно. Но чем случай отличается от судьбы — кто знает?

Да и случай тот имел под собой, говорит сейчас Чернышов, какую-то базу. Он ведь не только о физике читал много, но и о геологии. Имел, в общем, представление о том, чем придется заниматься.

А еще он дал себе слово ни в коем случае не возвращаться туда, откуда приехал: нищета, убогость, разруха послевоенного деревенского существования не способствовали сохранению теплых чувств к малой родине.

Он здорово учился, на третьем курсе стал сталинским стипендиатом. В ту пору вообще хорошо учиться было, как выразились бы сейчас, престижно. Люди, пережившие страшную войну, голод 1946–47 годов, четко знали, чего они хотят. Студент Чернышов пропадал в университете с восьми утра до одиннадцати вечера. («Ну, только если не надо было бежать на тренировку», — говорит мне Николай Михайлович, — тренировка — это святое».)

Впрочем, усердное отношение к делу касалось не только Чернышова, и не только студентов. На их глазах воронежцы в считанные годы восстановили разрушенный город. «Стыдно было, — говорит, — плохо учиться, когда народ так здорово работает».

Воспоминания об общем подъеме народного духа волнуют его до сих пор, поскольку ни с чем подобным больше сталкиваться не приходилось. «И не о политике вовсе речь. Она никакого отношения к этому не имеет, — уверен Чернышов. — Я почти всегда ощущал умение делиться. Если у тебя чего-то не хватает — тебе всегда помогут».

У него был хороший университет — замечательная самодеятельность, спорт, друзья... «Мы все друг друга знали. Я, например, знал всех физиков. Они знали всех геологов, потому что у нас были совместные лекции».

В хорошей компании и учиться приятно. На втором курсе студент Чернышов открыл неизвестную палеонтологам ракушку, сделал доклад — получил премию. На третьем, в той самой Уссурийской тайге, — нашел неизвестный доселе минерал.

И сложилась судьба.

Пересказывать биографию Николая Чернышова все равно что читать курс истории отечественной геологии, начиная с 1950-х го-

Н. М. Чернышов со студентами ВГУ на практике в Крыму. 1965

дов. В середине 50-х, еще будучи студентом, он работал в Шамлугской геолого-разведочной партии в Армении. После тайги-то без всякого страха спускался на всю ночь в Ахтальскую заброшенную шахту. «Там 17 горизонтов», — говорит он и сейчас таким тоном, что даже непосвященному в геологию становится жутковато: ну представьте — 17 этажей вниз, в темноту. В пределах Ахтальского рудного поля Чернышов первым выявил крупную вулканическую постройку и доказал ее решающую роль в формировании и локализации рудных тел. Заодно там же было найдено 24 ранее неизвестных на этом месторождении минерала и, главное, разработан комплекс поисковых критериев, с помощью которых были открыты самые разные месторождения полезных ископаемых.

Вокруг энергичного человека постепенно начинает образовываться своя научная школа. Какое-то время (1965–67 гг.) Чернышов поработал деканом родного геологического факультета. Но административная работа не оставляла времени и сил для главного предназначения и интереса — для поиска.

Николай Михайлович оставил деканат и возглавил кафедру минералогии и петрологии ВГУ. Случилось это в 1968 году. Возглавляет кафедру он по сию пору. Не то что в ВГУ, полагаю, во всей стране нет ни одного такого примера.

В конце 1960-х — начале 70-х годов Николай Чернышов первым провел фундаментальное исследования по геологии, петрологии и металлогении раннего докембрия Центральной России. И первым же научно обосновал наличие здесь никеленосных объектов. Теоретический прогноз был подтвержден открытием больших никелевых месторождений в Воронежской области.

По запасам это месторождение является крупнейшей в стране базой цветных (никель, медь, кобальт) и благородных (золото, платиноиды) металлов. В буквальном смысле золотое дно.

Можно много говорить о том, что Николай Чернышов сделал первым. Если человеку дан талант поисковика, жажду открытый ему утолить практически невозможно. Чернышов первым теоретически обосновал, а затем и лично открыл крупную КурскоВоронежскую золото-платиноносную провинцию. Совсем недавно он выявил большой источник благородных металлов в пределах железорудных месторождений Курской магнитной аномалии.

Когда благородный человек занимается благородными металлами — в этом есть какое-то правильное созвучие. Этакая рифма судьбы.

Всю жизнь занимаясь поиском богатств (и находя их) Чернышов не озолотился. Поскольку понимает простую истину: те богатства, что в земле, — они не личные, они общественные.

У него были хорошие учителя. Сначала в школе. Казалось бы, откуда в послевоенной Добринке взяться квалифицированным педагогам? Только потом Чернышов узнал, что его учителя были ссылочными из столичных городов.

Потом — в университете, в котором, насколько можно судить, всегда учили не только знаниям, но и правилам поведения. Вера Николаевна Преображенская, выдающийся геолог, дважды пересекшая прикаспийскую пустыню, часто приглашала их, всегда голодающих студентов, к себе на обед. Натурально подкормить ребят. А когда они, практиканты, возвращались из Уссурийской тайги, не было денег на проезд. Послали телеграмму декану Точилину. Митрофан Степанович выслал деньги на проезд и даже сверх того. Когда они вернулись, с ними рассчитались («платили тогда геологам очень хорошо», — вспоминает Николай Михайлович). Пришли студенты в бухгалтерию университета сдавать финотчет и заодно вернуть деньги декана. А бухгалтер говорит: это ваш личный долг перед Точилиным, то были его деньги.

— Ну какой бы декан сейчас так поступил, — улыбаясь говорит мне профессор Чернышов.

Вообще, разницу между «тогда» и «сейчас» он ощущает очень остро.

— Я студентом рвался на Дальний Восток, на Камчатку, — говорит. — А сейчас даже на крымскую практику не хотят ехать. Хотят сидеть в офисе.

Впрочем тут же оговаривает: у москвичей ситуация еще хуже, поэтому на полевых работах, которые ведутся, например, на Урале, главная сила — воронежские студенты. «Всестаки, — настаивает, — воронежская школа геологов сохранилась». И чтобы я не заподозрил его в нескромности (а я и не думал), добавляет веско: «Потому что у нас были хорошие учителя».

Спрашиваю про положение дел в ВГУ сейчас:

— Я вижу, — говорит Николай Михайлович, — как университет развивается ко-

Николай Михайлович Чернышов
доктор минералогии и геологии,
корреспондент РАН, заслуженный профессор
Геологоминералогических наук.

личественно. Но он не может развиваться качественно, потому что управление Минобразования ну настолько тупо и настолько недальновидно...

Прошу уточнить.

— Вот есть фундаментальный курс «Минералогия», который я читаю студентам. Нам его преподавали полтора года, потом свели до года. А теперь я должен прочитать этот курс не за 120, а за 14 часов. Но ведь минералогия лежит в основе всей геологии. Да на минералах нужно набить глаз, студенты должны отличать их по виду, по весу, по запаху. Не будет же геолог с собой в экспедицию гору справочников таскать.

Помимо этого нагоняет тоску и материальная сторона дела. И не про себя говорит Чернышов, хотя он как завкафедрой получает всего 21 тысячу рублей. При маленькой зарплатной плате, сетует, преподаватели утрачивают мотивацию для постоянных занятий со студентами. Прочел лекцию — и ушел. Упаси

бог, не осуждает Чернышов коллег, просто его волнует будущее.

Ради будущего он, 80-летний человек, по-прежнему читает лекции. Да, студенты сейчас не те, что тогда.

— Но они разные, говорит Николай Михайлович, — с ними интересно. Общаясь с ними, вольно или невольно обогащаешься. Они все-таки народ с какой-то надеждой. Не унылые.

* * *

P. S. Николай Михайлович Чернышов — член-корреспондент Российской Академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Почетный разведчик недр. Академик Российской Академии естественных наук и Международной Академии наук экологии, безопасности человека и природы. Награжден орденом Знак Почета. Его имя включено в Большую российскую энциклопедию, Российский энциклопедический словарь.

